
Г. Г. ЛИТАВРИН

**СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВСТАФИЯ РОМЕЯ**

**(Из комментария к «Пире» —
сборнику судебных решений юриста XI в.)**

Органическое свойство либеральной, демократической и марксистской медиевистики — фиксация внимания на теневых сторонах социальной и экономической жизни средневекового общества, в особенности — жизни народных масс и прежде всего крестьянства. Исполненный самых добрых побуждений историк выступает в роли обличителя давно исчезнувших с исторической арены имущих классов и властей всех рангов, доказывая, как они непрерывно, от эпохи к эпохе, усиливали эксплуатацию, ложившуюся тяжким бременем на плечи угнетенных. Выдающийся советский византист М. Я. Сюзюмов не раз говорил, что, читая труды советских медиевистов, диву даешься, как это человечество не вымерло уже в средние века...

Конечно, нет сомнений в том, что уровень жизни подавляющего большинства народа, особенно крестьянства, был тогда далек от благосостояния, что эксплуатация бывала и непосильной, налоги обременительными, стихийные бедствия влекли массовый голод и эпидемии. Но так было не всюду и не всегда. Создающий материальные блага человек неизменно находил выход из тяжелых ситуаций, умел он своим пассивным и активным противодействием ограничивать аппетиты господствующего класса, обеспечивая тем самым себе и всему обществу необходимые условия для производства и воспроизводства.

В господствующем классе, в структурах высшей власти, в образованных кругах Византии во все времена возникали и находили пути к разной степени реализации здравые идеи о разумной умеренности в отношении к собственному народу и даже об ответственности за его внешнеполитическую безопасность и материальное благополучие. Подобного рода идеи столь же древни, сколь и само государство. Нашли они отражение и в классическом римском праве и никогда в Византии, в отличие от стран Западной Европы в средние века, не исчезали полно-

стью из правового сознания правящей элиты. Действующее право империи, развиваясь на фундаменте римской юридической традиции, не сводилось к рецепции — оно было связано с классическим римским правом непосредственной преемственностью.

Около полувека назад в советском византиноведении развернулась дискуссия о степени соответствия созданного при Льве VI Мудром на основе Юстинианова права нового свода («Василик») реалиям византийской действительности рубежа IX—X вв. Мнения тогда резко разделились — от признания применимости переосмысленных норм позднеримского права к жизненным ситуациям новой эпохи до полного отрицания значения этого свода как регулятора общественных отношений в Византии того времени. Ныне в нашей византистике властвует в целом первая точка зрения. Ее защищали М. Я. Сюзюмов¹ и Е. Э. Липшиц,² считавшая, что «Василики», Прохирон и новеллы императоров Македонской династии являлись в IX—XI вв. наиболее авторитетными среди законодательных памятников.³ Разделяет эту точку зрения и И. П. Медведев. «Василики», пишет он, содержат законы действующего императивного права, как это ясно заявлено в «Пире»: «Ничто из того, что содержится в текстах Василик, не было отменено».⁴

В центре нашего внимания будут, однако, не сами «Василики», а основанный по преимуществу на этом своде упомянутый уникальный правовой сборник «Пира» («Практика»). Известен он под именем Евстафия Ромея, так как является собранием его судебных решений и правовых сентенций, составленным вскоре после его смерти (ок. 1047—1048⁵) его учениками и коллегами в качестве учебника для начинающих и практикующих правоведов, а возможно, и для созданного или преобразованного в это время учебного учреждения, в котором стали вновь изучать юридические науки; условно это учреждение иногда называют «юридическим факультетом Константинопольского университета».⁶

Евстафий родился в 70-х гг. X в. Начало его судейства теперь датируют серединой правления Василия II (976—1025),⁷ а окончание — первыми годами царствования Константина IX (1042—1055). Евстафий сделал успешную карьеру — он стал членом Высшего имперского суда

¹ Сюзюмов М. Я. Василики как источник для внутренней истории Византии // ВВ. 1958. Т. 14.

² О дискуссии см.: Липшиц Е. Э. Несколько замечаний о Василиках как источнике // ВВ. 1958. Т. 14.

³ Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981. С. 121—173.

⁴ *Practica ex actis Eustathii Romani* // *Jus Graeco-Romanum* // Ed. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1895. Vol. 1. (далее — *Practica*). LI, 16. P. 244; Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 170—175.

⁵ *Oikonomides N. St. Georges of Mangana, Maria Skleraina and the «Malaj Sion of Novgorod»* // DOP. 1980—1981. Т. 34—35. P. 243. Cf.: Weiss G. Hohe Richter in Konstantinopel. Eustathios Rhomaïos und seine Kollegen // JÖB. 1973. 22. S. 121—122.

⁶ Медведев И. П. Правовая культура... С. 102—133.

⁷ См.: *Practica*, IX, 10. P. 31 — о Василии II говорится как о правящем императоре.

(на Ипподроме), получал почетные титулы, вплоть до весьма высокого титула магистра.⁸ И. П. Медведев, оценивая «Василики» сравнительно со сводами времени классического законодательства, пишет, что тогда судья не был стеснен законодателями в своих поисках выхода из юридических коллизий, тогда как противоречиям в «Василиках» «склонны были слепо следовать некоторые догматически мыслящие судьи, прежде всего чересчур ученые и эрудированные юристы типа Евстафия Ромея».⁹

Мы считаем эту характеристику не совсем справедливой. Конечно, Евстафий был сыном своего времени, не чуждым слепой приверженности к традиции и не свободным от средневекового догматизма. Однако все, что известно (из хроник, историкоописаний, из эпистолографии и других источников) о судебной практике в городах и весях империи, убеждает нас в том, что в истории византийского судопроизводства деятельность Евстафия Ромея представляет собой особую, малоизученную в византийской светлую страницу. «Пира» сама по себе — лучший контрольный пример против распространенных в историографии суждений об упадке юриспруденции и невежестве судей в Византии того времени.¹⁰

«Пира» изобилует примерами явно снисходительного суда Евстафия над представителями низших слоев общества. Немало его решений преследуют цель защитить или смягчить участь бедняков, обиженных, вдов, сирот, обманутых невест, незаконнорожденных детей, падших женщин. Немало приговоров фемных судей Евстафий отменил, рассмотрев апелляции. Разумеется, он опирался при этом на соответствующие нормы позднеимперского права. Однако претворение этих норм в жизнь было несомненной заслугой, а иногда — и актом личного мужества Евстафия, творившего свой суд в обстановке абсолютной незащищенности судей перед всевластием государя и его клеветов.¹¹

Мы обращаем особое внимание на ряд принципиальных положений, которыми, как пишет сам Евстафий, он руководствовался в своей судебной практике. Во-первых, он внушал своим коллегам-ученикам, что «законом является скорее смягчать, чем ужесточать приговоры».¹² Во-вторых, он требовал учитывать то психологическое состояние «убогих», которое мешает им, даже будучи правыми, защитить себя и свои интересы, так как бедные (πένητες), «имея землю, смелее сопротивляются, когда же она отнята, они падают духом и смиряются, видя силу, одолевающую их изначально».¹³ В-третьих, Евстафий соблюдал принцип пре-

⁸ *Oikonomides N.* The «Peira» of Eustathios Romaios: an Abortive Attempt to Innovate in Byzantine Law // *Fontes Minores*. s. a. VII. P. 171—174.

⁹ *Медведев И. П.* Правовая культура... С. 465. Ср.: *Weiss G.* Hohe Richter... S. 127 f.

¹⁰ *Weiss G.* 1) Hohe Richter... S. 122; 2) *Oströmische Beamte im Spiegel des Schriften des Michael Psellos*. München, 1973. S. 32.

¹¹ *Weiss G.* Hohe Richter... S. 118, 126, 128—130.

¹² *Practica*, LI, 22. P. 246.

¹³ *Ibid.*, XL, 12. P. 186: κατέχοντες μὲν γὰρ τὴν γῆν γενναίωτερον ἀνταρτήσουσι, ἀφαιρούμενοι δὲ δικάσουσι καὶ καταραθμησοῦσι τὴν δυναστείαν εἰδότες ἐκ πρώτης αὐτῶν περιγενομένην. Ср.: *Weiss G.* Hohe Richter... S. 136.

зумпции невиновности, независимо от того, кто был у него под следствием.¹⁴ В-четвертых, наконец, Евстафий вел дознание в строгих рамках закона: он с сарказмом отзывался о судьях, вырывающих у подозреваемого признание любой ценой.¹⁵

Мы считаем более корректной оценку деятельности Евстафия и его самого, сделанную Г. Вайсом и Н. Икономидисом. Как пишет Г. Вайс, служебная порядочность, нравственная чистота, человечность и милосердие Евстафия могли бы послужить образцом даже для судей современного демократического общества.¹⁶ По словам Н. Икономидиса, личность Евстафия и его социально-политическое правосознание были исключительным явлением на фоне поведения и образа мыслей имперского чиновничества XI в. Его позицию и его судебную практику ученый считал, однако, несостоятельной для того времени, образно назвав ее «абортивной попыткой» внести свежую струю в развитие византийской юриспруденции; Евстафий остался одиночкой среди своих коллег, его почин никогда более не был возобновлен вплоть до гибели империи.¹⁷

То, что владения династов стремительно росли в X—XI вв., установлено давно, как и то, что центральная власть, проиграв схватку с ними, сама выступила как конкурент династов в борьбе за крестьянскую землю и самих крестьян. Лучше, однако, известен результат этого процесса, и хуже — его ход.

Особое внимание в «Пире» уделено нескольким представителям знаменитого в X—XI вв. рода Склиров. Они играли крупную роль в общественной и политической жизни империи и в ее отношениях с соседними странами и народами. Полководец Варда Склир прославился своими победами над арабами в 60-х гг. X в. и в войне против Святослава на Балканах в 970—971 гг. Подняв два мятежа в 976 и 987—989 гг., Варда пытался отнять трон у Василия II.

Интерес историков к роду Склиров был едва ли не большим, чем к любой другой знатной фамилии в Византии. Специальное исследование посвятил Склирам, широко используя данные сфрагистики, В. Зайбт (он прослеживает судьбы более 30 членов этого рода, из которых нам особенно интересны 4-5).¹⁸ Специально о них же писали А. П. Каждан и др.¹⁹ Особое внимание уделялось двум персонажам из рода Склиров —

¹⁴ *Practica*, XXIII, 7. P. 89—90; LXIX, 5. P. 295—296.

¹⁵ *Ibid.*, XI, 1. P. 32.

¹⁶ *Weiss G. Hohe Richter...* S. 132, 138.

¹⁷ *Oikonomides N. The «Peira»...* P. 171—176. См. также: *Weiss G. Hohe Richter...* S. 117—143.

¹⁸ *Seibt W. Die Skleroi. Eine sigillographische Studie.* Wien, 1976. S. 71—72 (+ библиогр.).

¹⁹ *Каждан А. П.* 1) *Господствующий класс в Византии IX—XII вв.* М., 1978. Указатель, особ. с. 141, 143, 152, 248, 250; 2) *Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв.* Ереван, 1975. С. 75—82. Ср.: *Ломоури Н. Ю.* Восстание Варды Склира // *Труды Тбилисского ун-та.* 1957; *Литаврин Г. Г.* Пселл и Кекавмен о Варде Склире // *Polychordia: Festschrift Franz Dölger.* Amsterdam, 1968. S. 157—164 (*Byzantinische Forschungen.* Bd 3).

упомянутому Варде и не менее известной Марии Склирене, фаворитке Константина IX Мономаха с 1034/35 г. до 1046 г.

Однако до сих пор мало затронуты в историографии известия «Пиры» о Склирах. Между тем они являются там главными субъектами 9 судебных процессов (XV, 14; XV, 16; XXIII, 7; XLII, 11; XLII, 18; XLII, 19; L, 4; LXV, 15; LXIX, 5). Все эти казусы поддаются примерной, но достаточно достоверной датировке — это время, равное примерно полувеку с 990-х до середины 1040-х гг. Все казусы к тому же легко локализуемы: 7 имели место в богатейшей и важнейшей феме империи — в Анатоликах,²⁰ где находились владения Склиров (иски против них подавали их ближайшие соседи), и 2 — в столице.

В своей последней книге Е. Э. Липшиц писала, говоря о Склирах — героях «Пиры»: «Все эти тексты заслуживали бы специального рассмотрения, хотя, разумеется, вопрос об отождествлении отдельных представителей рода с упоминаемыми авторами Пиры лицами, за редкими исключениями (когда указано и имя и должность), к сожалению, не может быть разрешен».²¹

Однако задача, поставленная Е. Э. Липшиц, уже была в значительной мере выполнена: опыт идентификации Склиров «Пиры» был осуществлен А. П. Кажданом и В. Зайбтом (см. примеч. 18 и 19), а существом исков против них интересовались Г. Вайс и Сп. Врионис.²² Важнее, чем идентификация членов рода Склиров, упомянутых в «Пире», представляются и нам причины этих упоминаний, т. е. вопрос, поставленный Сп. Врионисом. Во многом его наблюдения совпадают с моими, однако — отнюдь не во всем, чем я и оправдываю новое обращение к этому сюжету. Приведем дословно или в более или менее подробном пересказе те места источника, в понимании которых мы расходимся и с Липшиц, и с Вайсом, и с Врионисом, и с Икономидисом.

1) Итак, первый из исков по порядку их следования в «Пире». Некие монахи возбудили тяжбу против Склира, захватившего имение обители. Оправдывался он тем, что будто бы взял имение в аренду (эмфитевзис) и сделал монахам взнос (εἰσδεκτικόν), но не смог этого подтвердить. А так как монахи утверждали, что Склир получил большой доход с имения, магистр (Евстафий Ромей) решил: если Склир не докажет, что взял в аренду (ἐκδοσικόν) имение у монахов, тогда будет рассмотрено, какой доход имело имение, в чем же состояло соглашение о пакте (πάκτων) и сколь велик взнос магистра (Склира). Если аренда была обставлена прилично, то будет определено, была ли отделена шестая часть дохода

²⁰ Ioannis Scylitzae Synopsus historiarum / Ed. J. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 427. 66—67.

²¹ Липшиц Е. Э. Законодательство... С. 166.

²² Weiss G. Hohe Richter...; Vryonis Sp. Jr. The Peira for the History of Byzantine Aristocratic Society in the First Half of the Eleventh Century // Near Numismatics, Iconography and History. Studies in Honor of George C. Miles. Beirut, 1974. P. 279—284. (Эта работа стала нам доступной благодаря любезности А. М. Кузнецовой, привезшей ксерокопию из Будапешта.)

(προσόδου) в отношении ко всему прочему, ибо закон²³ устанавливает шестую часть отчисления (κουφισμοῦ) в пользу взявшего в аренду. А если монахи не сдавали имения в аренду, тогда надлежало судить Склира за незаконное владение и потребовать с него все плоды имения. Но возразили судьи: «А если соглашение об аренде имело место и был определен (размер) пакта, не сохранит ли силу соглашение и не будет ли он судом в соответствии с ним?». И ответил друнгарий (Евстафий), что если бы соглашение было законным и куфисм (доля взявшего в длительную аренду — эмфитевзис) равнялся шестой части (дохода), а прочее было согласовано давать (монахам), то только тогда договор сохранил бы силу, а если дело обстояло иначе, то договор не имеет силы как противозаконный.²⁴ Доказательств того, что Склир взял *с согласия монахов* имение в аренду и внес плату, у него не оказалось, он был осужден (κατεδικάσθη), и ему, вероятно, предстояло удовлетворить по суду иск монахов по полной программе. Личное имя Склира не указано. Каждан, Зайбт и Липшиц предполагают — это Василий, внук Варды.²⁵ В «Пире» имеется другой иск — также о насильнике Склире, тоже магистре, также без указания его личного имени и тоже признанном виновным. Во всяком случае речь там и тут идет о могущественной персоне, управу на которую нашли только в столице: очевиден единый стиль в его отношениях к соседям, прежде всего — к чужой собственности. Однако нет уверенности в том, что это тот самый Василий Склир, который был стратигом фемы Анатолики, но был заподозрен в заговоре, ослеплен и сослан Константином VIII, а возвращен из ссылки и удостоен титула магистра Романом III Аргиром (1028—1034).²⁶ Не слишком ли необычно столь агрессивное стяжательство со стороны беспомощного слепца? Единственный пункт тяжбы, толкуемый по-разному, — упоминание об $\frac{1}{6}$ дохода: мы согласны с Липшиц, что это законная доля эмфитевта, установленная еще законодательством Юстиниана,²⁷ а не первоначальный взнос арендатора хозяину земли, как полагает Врионис; не согласны мы с ним также в том, что договор монахов со Склиром якобы имел место — он только ничего не платил за аренду.²⁸

Примечательно, что в данном случае (как и в казусе № 6) среди судей, даже в столице, находились готовые поставить приговор Евстафия под сомнение: а не произойдет ли, спрашивали они, суд над Склиром не в согласии с его договором с монахами (видимо, эти судьи, в отличие от

²³ Здесь следует ссылка на соответствующее место в «Василиках» (Bas. V, 2, 6).

²⁴ Practica, XV, 14. P. 47—48.

²⁵ См. ниже под № 3. Под личным именем Василий Склир выступает только в последнем иске — см. № 9. Ср.: Каждан А. П. Армяне... С. 76—77; Seibt W. Die Skleroi. S. 65—69; Липшиц Е. Э. Законодательство... С. 166.

²⁶ Каждан А. П. Армяне... С. 76—77.

²⁷ Липшиц Е. Э. Законодательство... С. 166—167.

²⁸ См.: Vryonis Sp. Jr. The Peira... P. 281, n. 5, 282. $\frac{1}{6}$ часть налога платили первое время взявший в обработку пустошь и вернувшийся в пределах 30-летия хозяин покинутой земли (Dölger Fr. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig, Berlin, 1927. S. 119. 43). Не было ли запустевшим и захваченное Склиром имение?

Евстафия, верили Склиру, что он предварительно договорился с монахами об эмфитевзисе).

2) Второй процесс, связанный со Склирами, — иск Марии Склирены против патрикия Панфирия,²⁹ ее должника. Она получила от него по суду на правах харистикия в возмещение долга монастырь Св. Маманта с его недвижимостями.³⁰ См. ниже под № 8 другой иск Склирены о нарушении права вида на море.³¹

3) Этот процесс мы мельком уже упомянули выше. «Много исков было возбуждено против магистра Склира, так как некоторые говорили, что были лишены своего имущества, что были брошены в затворы и избиты. Поэтому там, где магистр (Евстафий) обнаружил, что кто-либо подвергся каре, тюремным мукам и потере денег, того одного он обязал доказать (ἐβάρυσε δεικνύειν) то, что он был заключен, скажем, (или) что был избит, и затем (все-таки) предпочел (привести) его к клятве», поскольку здесь возможна предвзятость (πρόληψις — обвинение без доказательств?) в отношении Склира. Поэтому Евстафий при недостатке улик, представленных истцом, приводил его к клятве.³²

Личное имя Склира снова не названо. Но суть дела в целом ясна. Эти иски были некогда рассмотрены мною.³³ Трудность состояла в определении, кто пострадал. В данном случае сказано, что исков против Склира было много — еще больше, конечно, было пострадавших. Видимо, среди истцов были разные люди, но вряд ли все они были бедняками, так как Склир отнимал деньги, которые имелись, конечно, у состоятельных лиц. На местные власти и здесь нет ни малейшего намека. Представляется примечательным, что пострадавших много, а свидетели находят с трудом (видимо, очевидно не желали свидетельствовать против Склира — приходилось приводить истцов к клятве)...

4) Здесь (как бы в пояснение предыдущего казуса) говорится о том, что когда спор идет о предвзятости (обвинении без доказательств?), то по закону полагается (приводить) к клятве не ответчика, а истца.³⁴ И магистр (Евстафий) рассудил так: поскольку много было процессов против Склира как отнявшего у истцов деньги и подвергнувшего их иным бедам и затворам, постольку истцу предлагается поклясться (в том), что он потерял, так как ответчик магистр Склир борется с предвзятостью (да-

²⁹ Имя искажено — Παμβήριος. Cf.: *Psellos. Chronographie. Vol. 2, VI. 4. P. 140: Παμβήριος.*

³⁰ *Practica, XV, 16. P. 48.*

³¹ *Ibid. L, 4. P. 239—240.* Об этих двух исках, имеющих иной аспект, см. нашу статью: *Литаврин Г. Г. Мария Склирена — фаворитка императора или вдова-монахиня? // Сб. в честь проф. В. Тыпковой-Займовой. София, 2005. Впрочем, Врионис, оценивая иск Склирены против Панфирия, говорит об экономической агрессии Склиров, простиравшейся даже на высшую знать столицы: Мария отобрала у патрикия права харистикария на монастырь (*Vryonis Sp. Jr. The Peira... P. 282—283*).*

³² *Practica, XXIII, 7. P. 89—90* (текст испорчен во многих местах, особенно в конце).

³³ *Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия. М., 1978. С. 275—277.*

³⁴ См.: *Basilicorum libri LX. Lipsiae, 1840. T. 3. XXII, 3, 23: ἀεί γὰρ ὁ ἐνάγων βαρεῖται ταῖς ἀποδείξεσιν.*

лее следуют повторы и лакуна — текст рукописи оборван на середине фразы).³⁵

Создается впечатление, что излагаемое здесь — лишь вторая (и не слишком вразумительная) редакция рассказа об уже упомянутых беззакониях Склира. Евстафий приводит к клятве истца, когда есть опасение, что возможно предубеждение, или, как мы думаем, обвинение, пока не обоснованное четкими доказательствами (ситуация снова передана тем же термином *πρόληψις*). Мы не видим здесь, в отличие от Вриониса, признаков того, что процесс не был завершен: клятвы истцов судья считал достаточными для осуждения Склира.³⁶

5) Когда магистра Склира привлек к ответу иерей за то, что тот избил его плетью, а магистр отрекался, иерей обосновал иск благодаря свидетелям, а они поклялись, что видели избиваемого иерея, и он сам письменно подтвердил, что был избит и потерпел ущерб; магистр (Евстафий) присудил (Склира) за побои к уплате штрафа в одну литру.³⁷

На этот раз жители фемы, на глазах которых избili священника, не отказались свидетельствовать. Хотя в изложении тяжбы можно увидеть намек на имевшиеся между тяжущимися сторонами какие-то материальные интересы (иерей «потерпел ущерб» — *έζημιώθη*), неизвестны причины гнева магната против священника, мало отличавшегося тогда от крестьянина. Если и здесь речь идет о том же Склире,³⁸ можно предположить, что иерей посмел порицать магната за не подобающие доброму христианину дела.

Характерно, что и здесь никто из местных светских властей и из высших духовных лиц, видимо, не вступился за священника: карает самодура по апелляции, поддержанной фемными жителями, только столичный суд.³⁹

6) Два следующих иска тесно взаимосвязаны — в процесс были вовлечены одни и те же лица. Протоспафарий Роман Склир совершал насилия над некоторыми поселянами (*χωρίτας*) и вторгался в их жилища. Затем он помирился с ними и поручился, что даст им деньги (за ущерб). Но (вскоре) *он пошел на попятную*, а поселяне после этого вчинили иск, заявив, что и примирение они сделали (с ним) под насилием, так как судья принудил их. И магистр (Евстафий) определил, что если они не докажут, что пошли на примирение, (лишь) подчинившись насилию, то со

³⁵ Practica, LXIX, 5. P. 295—296.

³⁶ *Vryonis Sp. Jr. The Peira...* P. 281. Иногда сам Евстафий или составители «Пиры» делают добавления к приговорам, рассматривая в учебных целях альтернативные возможности хода дела; мы не принимаем эти добавления за признаки незавершенности суда или за выражение сомнений у судьи.

³⁷ Practica, XLII, 11. P. 197—198.

³⁸ По мнению Зайбта, Склир, о котором говорится под № 1, 3, 4 и 5, — все тот же Василий Склир (*Seibt W. Die Skleroi. S. 67—68*). Поверить в такую активность слепца весьма трудно, если не допустить, что между процессами прошло много времени и что Склир наильничал, когда еще был зрячим.

³⁹ Зайбт пишет, что отчаявшиеся поселяне объединились наконец против Склира, а избивание иерея, видимо, разгневало самого василевса (*Seibt W. Die Skleroi. P. 58. Anm. 237*).

Склира востребуют (только) деньги с процентами по 6 номисм на каждую литру со времени (его) ручательства (8,33 %! — *Г. Л.*).⁴⁰ Если же они докажут, что совершили примирение против воли и были подвигнуты (к этому) судьей, то будет расторгнут документ (τὸ ἔγγυραφον) о примирении, а если они докажут (и то), сколько было отнято, то получают все. Если же они не смогут доказать, то через открытую клятву сообщат (о размерах) отнятого, согласно 7-й главе 3-го титула 52-й кн (?).⁴¹ Там сказано, что если кто-либо не может доказать (размер) отнятого у него имущества, нужно, чтобы судья потрудились и разыскал оценку владений и по брачным соглашениям, и по установлению достатка, и по обнаружению доходов от прочих ежегодных трудов, (а также) по тому, насколько те, кто жалуются, что подверглись насилию, благоденствовали во время нападения на них и разорения, а о захваченном (у них) принести перед судьей ту клятву, какую подобает приносить истцу. И, подобное совершив, принять решение, ибо недопустимо, чтобы явный бедняк за понесенный им из-за одного нападения (якобы) великий ущерб получил возмещение, превосходящее состав его имущества, и чтобы он (таким образом) причинил ущерб другим.⁴²

Сразу встают два вопроса, во-первых, не является ли Склир, впервые упомянутый здесь с личным именем Роман, тем же действующим лицом, которое описано выше в пассажах под № 1, 3 и 4, а во-вторых, кем были на этот раз те поселяне, соседи Романа Склира, которые подверглись насилию с его стороны: собственные ли это его парики, или свободные крестьяне окрестных деревень.

Что касается первого вопроса, то ответ на него может быть только предположительным: Роман — протоспафарий, а Склир пассажей под № 1, 3 и 4 — обладатель гораздо более высокого титула магистра. Свидетельства о Склирах с личным именем Роман специально рассмотрел А. П. Каждан. Он допускает, что в данном случае мог быть тот Роман, который возвысился в начале 1040-х гг. при Константине IX (благодаря сестре Склирене, из протоспафариев он стал магистром). Следовательно, во время данного процесса (как и тяжбы под № 7) Роман находился в начале своей карьеры.⁴³

Как и ранее,⁴⁴ мы считаем, что в пассажах № 6 и 7 речь идет о процессах против Романа, вчиненных его собственными париками. Если это так, то в отношениях господина и его париков обнаруживаются такие детали, которые нам неизвестны из других источников. Во-первых, подтверждается тот факт, что поземельно, а отчасти и лично зависимые кре-

⁴⁰ И Врионис (*Vryonis Sp. Jr. The Peira...* P. 280), и Липшиц (*Литвиц Е. Э. Законодательство...* С. 168) полагают, что штраф платить в этом случае должны крестьяне, а не Роман Склир. На наш взгляд, почтенные ученые не учли пассивную форму глагола во фразе ἀπατηθῆν ὁ σκληρός («со Склира будет взыскано»).

⁴¹ В примеч. 1 издатель предполагает ссылку на «Василики» (1, 3, 57).

⁴² *Practica*, XLII. 18. P. 198. (Отсюда до конца излагается, видимо, с плеоназмами и повторами смысл соответствующей нормы права.)

⁴³ Каждан А. П. Армяне... С. 78.

⁴⁴ Литаврин Г. Г. Византийское общество... С. 275—277.

стьяне (парики) считались юридически свободными людьми (это обстоятельство подчеркнуто и Вайсом⁴⁵): оказывается, они, как и представители иных категорий свободных подданных империи, могли привлечь к суду своего господина и (вещь, кажущаяся невероятной!) выиграть такой процесс, хотя и в результате апелляции к Высшему суду в Константинополе. Во-вторых, оказывается, в случае конфликтов париков с их хозяином между сторонами были возможны мирные (с посредничеством местного судьи) письменные соглашения с фиксацией обязательств хозяина уплатить компенсацию за понесенный париками ущерб. В-третьих, явление, видимо, типичное: местный судья в феме стремился замять дело о незаконных действиях магната и оказывал давление на его париков, склоняя их к выгодному для магната компромиссу, но не содействуя в то же время выполнению магнатом письменного договора с ними. В-четвертых, оказывается, сложные подсчеты стоимости имущества париков чиновники производили не только при налоговых описях, но и при судебных тяжбах.⁴⁶

Во всяком случае, очевидна благоприятная парикам позиция Евстафия, готового защитить их от их господина, даже если тому благоволил сам император (Роман был братом возлюбленной Константина IX). Врионис же считает, исходя из своей версии перевода, что суд Евстафия был, напротив, неблагоприятным для париков, что на Романа не было управы, а на париков возложили бремя сбора улик против Романа и им угрожала выплата в его пользу большой суммы с процентами.⁴⁷

7) Управляющий (ἐπίσκοπότης) протоспафария Романа Склира самовольно передал другим участки (τόπια) некоторых поселян, а также животных и движимые имущества. И магистр (Евстафий) присудил, чтобы недвижимые были возвращены с чистыми плодами, исчисляемыми от времени передачи, а из самодвижимого — скот, увеличившийся от приплода, не превосходящего, однако, число первоначальных голов (потому что не каждая скотина рождает ежегодно и не все, родившись, остаются живыми; причем приплод приравнивается к процентам с денег); вдвойне подлежали возврату рабочие и верховые животные — из-за той пользы (от них, которую они могли бы принести их хозяевам). А из прочего движимого полагалось возместить вдвойне все сохранившееся и не уменьшившееся от употребления, а за все, что от использования уменьшилось и исчезло, пусть будет дана цена, достойная их первоначального состояния...⁴⁸

⁴⁵ Weiss G. Hohe Richter... S. 129.

⁴⁶ Конечно, можно допустить, что рекомендуемые местному судье громоздкие подсчеты имущества поселян являются проявлением скорее теоретической верности юриста букве закона, чем реально осуществимым предприятием. Однако в фискальной практике чиновничества империи была веками отработана бюрократическая техника приблизительного определения размеров имущества подданных империи: платежеспособным крестьянином считался обладающий имуществом, оцениваемым не менее чем в 50 номисм, как и ремесленник с его мастерской; не меньшим состоянием должен был обладать и заслуживающий доверия свидетель (Practica, XXX, 3. P. 136; XXX, 15. P. 138).

⁴⁷ Vryonis Sp. Jr. The Peira... P. 280—282.

⁴⁸ Practica, XLII, 19. P. 168—169.

Прежде всего — о том, является ли изложение данного процесса продолжением и уточнением того, который приведен выше под № 6? Вполне вероятно, что так это и было, хотя можно было бы ожидать ссылки на предыдущее судебное решение, не выполненное Романом, или на то, что он повторно совершил насилие над своими париками. Тяжба позволяет судить, как господин реализовывал в свою пользу предоставляемые ему права, одновременно нарушая законные права своих париков. Господин действительно имел право сгонять париков со своей земли или менять их земельные участки до истечения 30 лет непрерывного держания и внесения ими за держание ежегодного хоропакта,⁴⁹ но он не имел права сгонять парика или перемещать его на другое место по истечении 30-летия, а также лишать его имущества, чинить препятствия его уходу из имения, мешать парикам забрать с собой свой скот и движимое имущество, включая дом, если он поддавался переносу.⁵⁰ Крупнейший землевладелец-полководец конца XI в. Григорий Бакуриани не отягчал париков сверх меры, ставя это себе в заслугу.⁵¹ Не перемещал своих крестьян, нарушая закон, даже Василий II: «Это сказал вест (Евстафий), услышав, что и блаженный василевс государь Василий часто перемещал собственных париков»,⁵² т. е. менял (и, видимо, нередко) данные им в держание от короны участки, но только до истечения 30-летнего срока.

Большинство этих норм «парического права» (так оно официально называлось) Роман нарушил, поручив вершить беззаконие своему управляющему. Господин насильно перераспределял между париками не только недвижимое, но и движимое имущество, которое отдавал другим парикам, сея между ними вражду и неприязнь. Весьма соблазнительно представить дело так: раздосадованный первым проигранным процессом по иску париков (см. выше под № 6), Склир обрушился на тех из них, которые подали иск и были особенно активны. И снова дело дошло до апелляционного столичного суда — и снова Роман проиграл, так как оба иска крестьян рассматривал Евстафий Ромей.

⁴⁹ См. определение парикии магистром Косьмой (X в.), акцентировавшим права господина (*Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты. Материалы для крестьянского землевладения в Византии XIII—XIV вв. Л., 1927. С. XXXV; *Weiss G.* Die Entscheidung des Kosmas Magistros über das Paroikenrecht // *Byz.* 1978. S. 477 ff.).

⁵⁰ «Пира» содержит новое определение парикии Евстафием, в котором, в отличие от Космы, он говорит прежде всего о правах париков (*Practica*, XV, 2. P. 42).

⁵¹ *Gautier P.* Le typicon du sébaste Grégoir Pacurianos // *REB.* 1984. 48. P. 35.

⁵² *Practica*, XV, 2. P. 42. Иначе понимает эту фразу Вайс: «Вест сказал, что он слышал это также от покойного василевса кира Василия, что следует только по существенным основаниям прогонять собственных париков» (τοῦτο δὲ ἔλεγε ἀκούσας καὶ τοῦ μακαρίου βασιλέως κυροῦ βασιλείου τοῦς ἰδίους παροίκους πύλικῶς ἀποκινεῖν). Эти действия царя весьма важны, по мысли Вайса, для понимания борьбы Василия II с династами, они имели также огромное значение для сохранения париками их жизненных условий (*Weiss G.* Hohe Richter... S. 129). По мнению же Иконоmidиса, эта фраза свидетельствует об ужесточении власти господ, стремившихся ввести в хозяйственный оборот, часто меняя держания париков, больше земли в их имениях (*Oikonomidès N.* Ἡ Πείρα περὶ παροίκων // Ἀφιέρωμα στὸν Νίκο Ζβόρβου, I. Rethymno, 1986. P. 233 sq.).

8) Речь идет о выигранном дочерью Склира Марией иске по поводу незаконной стройки, нарушающей право вида на море (см. также пассаж № 2 и примеч. 31⁵³).

9) Сын поручился, что отец будет постоянно служить патрикию Василию Склиру, а если нет, то уплатит денежную сумму. Придя к магистру (Евстафию), он (сын) избавился от обвинения, так как тот (Евстафий) рассудил таким образом: случившееся поручительное соглашение, хотя и подкреплено выплатой денежной суммы, полностью незаконно как без малого отнимающее свободу того, за кого сделано ручательство. Поскольку же соглашение незаконно, (постольку) и требование (денег за несостоятельное ручательство?) не имеет силы. «Поэтому, с одной стороны, он освобождается от ручательства, подобно тому, кто не являлся виновным изначально, а с другой стороны — оправдывается и в том, чтобы тот, за кого ручались, получил столько, сколько составит законным (ему) дать (?) за то, чем он «управлял» (ἡλευθέρωται, οἱ ἴα μηδὲ τὴν ἀρχὴν ἔνοχος· γεγούως· δεδικαίωται δὲ ἀπολαβεῖν καὶ ὅσα συστήσῃ νομίμως δικαιοῦναι χάριν ᾧν διώκησεν ὁ ἐγγυηθεῖς).⁵⁴

На мой взгляд, перед нами редкий акт отмены судом поручительства. Совершенно очевидно, что Василий Склир был ответчиком и в данном случае. Видимо, охотников нести службу Склиру было мало, и Склир решил связать будущее наемное лицо особым (весьма суровым) договором и с ним самим, и с поручителем. В случае нарушения договора поручитель должен был уплатить неустойку. Скорее всего, нанявшийся отказался от службы, и его сыну предъявлено требование (ἐπερώτησις) уплатить неустойку. Тот искал защиты в суде. Евстафий не только избавил поручителя от штрафа, так как договор был приравнен к кабальному (незаконному), но и обязал нанимателя уплатить служившему у него управителем за его труд.

Острая необходимость в постоянно служащем Василию лице и все обстоятельство дела оправдали бы догадку, что патрикий Василий Склир — на этот раз именно тот слепец, о котором мы говорили выше. Верный человек как управитель его имений был ему крайне нужен. Но служба у него оказалась, по всей вероятности, не очень приятной. Управляющий оставил службу, и Склир потребовал уплатить неустойку. Евстафий вынес решение не в пользу Склира.⁵⁵

Итак, из 9 процессов в 2 (№ 2 и 8) излагаются тяжбы Марии Склирены, которые оставлены здесь в стороне, так как имеют совершенно иной аспект.

⁵³ Ibid., L, 4. P. 239—240.

⁵⁴ Practica, LXV, 15. P. 278: Примеч. 1: вм. δικαιοῦναι нужно принять δοῦναι. По мнению В. Зайбта, сын praktisch den Vater verkauft (*Seibt W. Die Skleroi. S. 68*).

⁵⁵ Е. Э. Липшиц, справедливо отметив, что текст местами испорчен, понимает пассаж совершенно иначе, в особенности первую и последнюю фразы: «сын поручился за отца, что всегда будет помогать ему ради Василия патрикия Склира. . . Исходя из этого он освобождается от поручительства наподобие того, как если бы им не был дан заклад сначала, и было присуждено отобрать его и полагалось бы присудить его в пользу поручителя» (См.: *Липшиц Е. Э. Законодательство... С. 167—168*).

Один — о поручительстве (№ 9) и один об избииении священника (№ 5) также не имеют характера документов о стяжательстве динатов. Останутся 5 процессов. Один (№ 1) повествует о попытке Склира присвоить монастырское имение. Два процесса (№ 3 и 4), в сущности, дублируют или поясняют друг друга при изложении насилий Склира над свободными жителями округи, а два других (№ 6 и 7; в одном из них приведено личное имя Роман) посвящены одной тяжбе — затянувшемуся иску париков против своего господина.

Итак, Склиры «Пиры» притесняли свободных крестьян, служащих им по найму, монахов, священника, держали в неволе и избивали своих париков, присваивали имения, отнимали у крестьян землю, скот и вещи, лишали поселян их денег, не платили нанявшемуся в качестве управителя имения. Нет ни малейших намеков на какое-либо противодействие Склирам со стороны фемных властей, больших и малых. Все приведенные иски против них — апелляции к Высшему суду в столице империи. В двух случаях говорится о робости судей перед Склирами: в одном случае — столичных, во втором — фемных, пытавшихся обелить Склира и склонить истцов к компромиссу с ним.

Доказать вину Склира (которому содействовали местные судьи, а потерпевшим противостоял процесс тщательного дознания и судебной волокиты, когда свидетели боялись давать показания в суде) было, видимо, непросто. Важно, однако, что и в этих условиях Евстафий в 7 случаях из 7 победил, осудив Склиров. Еще важнее то, что его коллеги-юристы, сотрудники и ученики, решили включить процессы против Склиров в сборник показательных, учительных и назидательных судебных процессов.

Свидетельства эти вполне согласуются с данными византийской хронографии о том, что общественную активность Склиров не сумели погасить ни разгром Василием II мятежа Варды, ни его репрессии против других членов этой семьи.⁵⁶

Прадед (или дед?) Романа Склира Варда, подняв мятеж против императора, конфисковывал владения всех, кто отказывался к нему присоединиться.⁵⁷ Он имел в виду, по всей вероятности, прежде всего свой опыт и опыт своих родичей, когда, сдавшись на милость императора Василия II Болгаробойцы, давал ему совет — как в будущем избежать мятежей против себя, подобных тому, который поднял Варда. Следует, говорил он, не давать фемной, особенно военной знати очень высоких постов, не позволять им также «слишком благоденствовать», надо заставить их целиком отдать свои заботы поддержанию в порядке своих владений, которые надлежит «изнурять несправедливыми взыскания-

⁵⁶ Активность Склиров после подавления мятежа Варды — факт неординарный для византийских будней: членам семьи осмелившегося поднять руку на императора обычно перекрывались пути к успешной карьере. Евстафий говорил, что месть василевсов обрушивалась на весь род мятежника (см.: *Practica*, LX, 1. P. 264—265). Она передавалась, по словам Пселла, как бы по наследству, независимо от степени вины его родичей и потомков (*Psellos. Chronographie. Vol. 1, XV. 13—15. P. 125*).

⁵⁷ *Io. Scyl. P. 315. 11—18.*

ми».⁵⁸ Совет был дан, видимо, со всей откровенностью человека отчаявшегося, полностью проигравшего и надеющегося только на царское милосердие. Через 70—80 лет, однако, военачальник средней руки Кекавмен, готовый хранить верность любому императору, называл совет Варды («негодного старца») коварной провокацией — с целью толкнуть неопытного царя на жесткие меры против магнагов, способные вызвать их недовольство и побудить к новым мятежам.⁵⁹

«Яблоко от яблони падало недалеко», и данные «Пирь» целиком соответствуют свидетельствам Иоанна Скилицы о том, что житейская позиция и моральной облик правнука (внука?) Варды, уже знакомого нам Романа, отличались ярко выраженными семейными чертами. Роман Склир, сообщает хронист, вел настоящую пойнуну против своего соседа по владениям выдающегося полководца Георгия Маниака. Он безнаказанно разорил его имения и обесчестил его жену, когда Маниак воевал с арабами на Сицилии, а затем оклеветал его перед царем. Отрешенный от должности и получивший вызов в столицу для расправы, Маниак весной 1043 г. поднял мятеж против императора.⁶⁰

Все сказанное все-таки позволяет нам с особой силой подчеркнуть, что Евстафий Ромей, несмотря ни на что, отнюдь не был, по-видимому, совсем одинок среди его сослуживцев. Мы разделяем в данном вопросе скорее мнение Г. Вайса (характер судебной практики Евстафия и его учеников — видимо, не исключение в византийском судопроизводстве⁶¹), чем взгляд Н. Икономидиса (Евстафий — великий одиночка). Коллеги-юристы и ученики Евстафия были его единомышленниками. Составленный ими сборник из решений и сентенций учителя служил учебным пособием и практическим руководством. Причастные к юриспруденции такие крупные культурные деятели, как Димитрий Хоматиан, глубоко чтили и два столетия спустя талант и опыт Евстафия.⁶²

Не лишен значения и тот бесспорный факт, что Евстафий, несмотря на его неординарную для члена высшего имперского чиновника позицию, в течение полувека сохранял высокий пост и расположение пяти или шести василевсов.

Примечательно, наконец, что примерно из полусотни тяжб, описанных в «Пире», там упомянуто не более десяти случаев вмешательства императора в ход судебных процессов — участниками почти всех этих процессов были представители высшей знати, и во всех тяжбах окончательное решение государя не расходилось с требованием закона (видимо, приговоры и тут были подсказаны Евстафием). Данный факт противоречит, как кажется (во всяком случае — в отношении Евстафия), тезису Вайса о произволе и о постоянно грозящем судье гневе императора.

⁵⁸ *Psellos. Chronographie. Vol. 1. P. 17. 12—16.*

⁵⁹ *Кекавмен. Советы и рассказы / Издание Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 300. 10—13.*

⁶⁰ *Io. Scyl. P. 427. 57—67.*

⁶¹ *Weiss G. Hohe Richter... S. 143.*

⁶² *См.: Медведев И. П. Правовая культура... С. 210.*

Все сказанное позволяет считать рассмотренные в данной статье факты еще одной иллюстрацией к тем подспудным квазиконституционным и безусловно (как бы мы их ни назвали) прогрессивным тенденциям в общественном и государственном строе Византии, которые были направлены на утверждение законности. Некоторые из проявлений этих тенденций были убедительно прослежены в исследованиях Игоря Павловича Медведева, уделявшего свое внимание не только слабым росткам будущего,⁶³ но также не совсем искорененным временем достижениям прошлого.⁶⁴

⁶³ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. СПб., 1997.

⁶⁴ Медведев И. П. 1) Была ли в Византии конституция? // *Медведев И. П. Правовая культура...* С. 29—43; 2) Равенство перед законом: миф или реальность? // Там же. С. 85—102.